

ПРОФ. М. В. НЕЧКИНА
ПУШКИН И ДЕКАБРИСТЫ



ПУШКИН теснейшим образом связан с революционным движением его времени. Казнь декабристов произвела на него огромное впечатление. Он писал к одному из своих друзей: «Повешенные повешены. Но каторга 120 друзей, братьев, товарищей — ужасна». Декабристы были для него «друзьями, братьями, товарищами».

Тема „Пушкин и декабристы“ не впервые ставится в научном исследовании. Но до сих пор она, как правило, изучалась в плане личных взаимоотношений Пушкина и декабристов, в плане их дружбы. Теперь же перед нами стоит задача большой важности — изучить *идейную* связь Пушкина и декабристов. Надо исследовать идейное влияние Пушкина на декабристов и декабристов на Пушкина. В этом смысле Пушкин представляет замечательнейший пример в истории мировой литературы. Ясно, какое большое значение имеет изучение темы — связь гениального поэта с революционным движением его времени и его страны.

Эпоха, когда жил и боролся Пушкин, была названа Лениным эпохой «дворянской революционности». Представителями этой дворянской революционности являлись декабристы и Герцен. Ленин в своем определении «дворянской революционности» говорил об этом. Он указал и на известную классовую ограниченность этого явления и подчеркнул *революционный* смысл движения декабристов. В своей работе «О национальной гордости великороссов» Ленин сказал, что мы можем гордиться декабристами, и именно тем, что они первые среди великороссов дали отпор самодержавию и крепостному гнету. Эти две основные цели стояли и перед Пушкиным и перед декабристами — борьба с крепостным правом и с самодержавием.

Пушкин теснейшим образом связался с самым передовым лозунгом этой борьбы и сумел воплотить его в великолепные высоко-

художественные поэтические произведения. Особенность этого революционного творчества в том, что, возникнув на исторической основе дворянской революционности, оно быстро стало перерастать эту основу и сохранило свою революционную действенность на всем дальнейшем протяжении революционного движения в России.

В 1817 г. возникает первая организация декабристов „Союз спасения“. Ближайший друг Пушкина — Иван Иванович Пущин — член этой организации с 1817 г. „Союз спасения“ ставит себе целью борьбу за ограничение деспотизма в России, за завоевание конституционной монархии. Цели борьбы с крепостным правом и с самодержавием были совершенно ясны для революционной организации, но тактика борьбы остается для нее не особенно ясной. Но обе цели стоят во весь рост перед „Союзом спасения“. Пушкин в своем замечательном революционном произведении „Вольность“ отражает основной лозунг борьбы на этом этапе. Насыщая лозунг революционным пафосом, поэт сопровождает его таким ярким призывом к народным массам, что, возникнув на определенной исторической основе, он сохраняет свое революционное значение и для дальнейшего этапа борьбы. Пушкин в оде „Вольность“ бросает лозунг ограничения самодержавия в стране тирании, аракчеевщины, рабства и угнетения, в стране, где на престоле сидит отцеубийца — Александр I — глава европейской реакции и контрреволюционного „Священного союза“.

В оде „Вольность“ мы читаем:

Увы, куда ни брошу взор,
Везде бичи, везде железы,
Законов гибельный позор,
Неволи немощные слезы.
Везде неправедная власть,
В сгущенной мгле предрассуждений
Воссели — рабства грозный гений
И славы роковая страсть.

В этой обстановке Пушкин осмеливается бросить лозунг ограничения тирании неизбежным законом и сопровождает его ярким призывом к восстанию масс. Ода „Вольность“ была адресована к народу.

Питомцы ветреной судьбы,
Тираны мира трепещите!
А вы мужайтесь и внимайте,
Восстаньте, падшие рабы!

Близким друзьям Пушкина был понятен «адрес», по которому была написана ода „Вольность“.

Не так давно найден новый материал литературоведа Бартенева, в котором записан рассказ дочери Н. Н. Раевского старшего — Марии Волконской о том, как Пушкин путешествовал по Кавказу вместе с ее отцом — героем 1812 г. Из деревень, местечек и сел выходил народ, с хлебом и солью, приветствовать героя. Генерал Раевский, знавший оду „Вольность“, как обращение Пушкина к массам, говорил: «А ну-ка, прочтите им свою оду („Вольность“), что они в ней поймут?».

В архивах мы находим материалы, которые свидетельствуют о том, что копии „Вольности“ находились и у армейской «мелкоты», — те, кто переписывали оду, подвергались за это каре. Какими-то таинственными путями ода „Вольность“ проникала в те массы, которые она призывала к восстанию.

Грубейшей ошибкой является утверждение некоторых пушкинистов, к несчастью, попавшее и в предисловие к однотомнику Гослитиздата, что ода „Вольность“ написана Пушкиным с позиций легитимизма. Легитимизм — контрреволюционная теория французской буржуазии и дворянства, шедших с феодальными лозунгами. Она пришла во Францию после революции в обозе интервенции. Конечно, эта теория не имеет решительно ничего общего с революционными лозунгами оды „Вольность“. Теория легитимизма, провозглашающая законность монархических династий, свергнутых революцией с престола, ни в каком смысле не похожа на политические лозунги замечательной революционной пушкинской оды.

Пушкин обратился в 1818 г. к Чаадаеву с пламенными строками:

Товарищ, верь, — взойдет она,
Заря пленительного счастья:
Россия вспрянет ото сна
И на обломках самовластья
Напишет наши имена.

В этом же году Пушкин пишет „Noël“ — рождественскую сатирическую песенку, в которой высмеивает конституционные обещания Александра I:

Ура! В Россию скачет
Кочующий деспот.
Спаситель громко плачет,
А с ним и весь народ.
Мария в хлопотах спасителя страшает:

«Не плачь, дитя, не плачь, сударь».
 Вот бука, бука — русский царь.
 Царь входит и вещает:
 «Узнай народ российский,
 Что знает целый мир:
 И прусский, и австрийский
 И шил себе мундир.

.....
 Закон постановлю на месте вам Горголи
 И людям все права людей
 По царской милости моей
 Отдам из доброй воли.
 От радости в постеле
 Запрыгало дитя:
 «Неужто в самом деле,
 Неужто не шутя?»
 А мать ему: «Бай-бай, закрой свои ты глазаи,
 Пора уснуть бы, наконец,
 Послушавши, как царь-отец
 Рассказывает сказки».

Для Пушкина, бывшего в самых передовых рядах революционного движения своего времени, в эту пору было ясно то, что понимали еще не все декабристы. Ему было ясно, что конституционные обещания царя Александра I — это не что иное, как «сказки», которым нельзя верить.

Не даром политические произведения Пушкина уже в это время переписываются, распространяются по всей стране.

Александр I при встрече с директором лицея Энгельгардтом сказал: «Пушкина надобно сослать в Сибирь, — он наводнил всю Россию возмутительными стихами, вся молодежь наизусть их читает». Эти слова приведены в воспоминаниях Пущина о Пушкине.

В оде „Вольность“ есть указание на «стыд» и «ужас» царей-убийства Павла I, на «стыд» и «ужас» дворцового переворота с подкупленной стражей, глухой ночью в царской спальне. Этот путь не был путем декабристов. Уже на этапе „Союза спасения“, продумывая вопросы тактики, декабристы отвергли этот путь, как позорный и неподходящий к их высоким политическим целям.

Их путь был путем выступления на площади столицы, всенародно, с оружием в руках. Мнение о том, что слова Пушкина в „Вольности“, осуждающие путь дворцового заговора, являются демонстрацией якобы «правой» позиции Пушкина, является глубоко ошибочным. Нет ничего более неверного, антиисторического, чем это утверждение. Неправильно мнение о том, что чем-де «левее» был дека-

брист, тем якобы более положительно относился он к дворцовому заговору, расправившемуся с Павлом I. Ведь в это время декабристы уже отвергали путь дворцового переворота. Позже один из самых «левых» декабристов — Поджио — писал в своих „Записках“ об убийстве Павла I:

«Пьяная буйная толпа врывается к нему и отвратительно, без малейшей гражданской цели, его таскает, душит, бьет и убивает. Убийцы были награждены. За ними был легкий и жалкий успех. Нет, не они нам пример».

Эта черта декабристов была правильно отмечена Герценом, который говорил: «серальный переворот был для них противен». Эта замечательная черта декабризма и отражена Пушкиным в оде „Вольность“.

В эту же эпоху, еще до ссылки на Юг, Пушкин пишет свое стихотворение „Деревня“, являющееся ярким воплощением передового революционного лозунга борьбы с крепостным правом. Эта борьба воплощена здесь Пушкиным в высокохудожественной форме и в то же время почти с точностью политико-экономического трактата. Это стихотворение — одно из замечательных произведений революционной мысли, оно сыграло роль декабристской прокламации:

Здесь барство дикое, без чувства, без закона,
Присвоило себе насильственной лозой
И труд, и собственность, и время земледельца.
Склонясь на чуждый плуг, покорствуя бичам,
Здесь рабство тощее влачится по браздам
Неутолимого владельца.

И труд, и собственность, и время крепостного крестьянина земледелец присвоил себе *насильственной лозой*. Здесь дана почти полная формула крепостной эксплуатации крестьянского труда.

В середине 1820 г. Пушкин был сослан на Юг за свои политические стихи и более всего за оду „Вольность“. На Юге Пушкин попадает сразу в один из самых бурно кипящих революционных котлов, которые существовали тогда в России. В 1818 г. вместо „Союза спасения“ организуется новое тайное общество — „Союз благоденствия“. Южное крыло „Союза благоденствия“ было особо радикально настроено. Во время южной ссылки Пушкин знакомится и близко сходитя с такими яркими представителями южного декабризма, как Михаил Орлов, республиканец Охотников, «первый декабрист» Владимир Раевский, ведущий пропаганду среди солдат, генерал Пущин, председатель масонской ложи «Овидий», которая служила

прикрытием революционной деятельности декабристов. В то же время Пушкин часто бывает в Каменке, в этом революционном гнезде южных декабристов.

Еще до ссылки на Юг, в Петербурге, Пушкин связывается с декабристами не только идейно, но и организационно. „Союз благоденствия“ стремится подготовить общественное мнение к принятию конституции. В целях этого „Союз благоденствия“ стремится объединить все те элементы, которые могут создать, так сказать, мнение «третьего сословия», сыгравшего столь большую роль во французской революции. По уставу „Зеленой книги“, — уставу „Союза благоденствия“ — в это тайное общество должны были приниматься не только дворяне, но и купцы, и даже свободные крестьяне. Вся Россия, по замыслу этого общества, должна была покрыться сетью его филиалов — женских обществ, педагогических, юношеских, литературных и других. Одним из литературных обществ декабристов и был филиал „Союза благоденствия“, — „Зеленая лампа“, в которой Пушкин участвовал еще до своей ссылки на юг. „Зеленая лампа“ имела отчетливо выраженную политическую платформу. Последняя говорит о большом радикализме „Зеленой лампы“, которая знала не только явную цель „Союза благоденствия“ — подготовку умов и мнений к конституции, но и цель *революционного* переворота. Возможно, что она знала об этом не в порядке официального сообщения, исходившего от самого „Союза благоденствия“, но все же важно отметить, что „Зеленая лампа“ стояла на позициях ограничения монархии и завоевания этого ограничения путем революционным.

Это видно из обнаруженных Модзалевским остатков архива „Зеленой лампы“, в котором сохранился ряд документов политического характера и в том числе замечательный документ, — политическая утопия „Сон“, своеобразная политическая платформа „Зеленой лампы“, выраженная в художественной форме. Вероятно, автором „Сна“ является один из членов „Зеленой лампы“ Улыбышев. Он начинает свой рассказ с указания на то, что „Сон“ является не только его мнением, но мнением всех его товарищей по „Зеленой лампе“. Автор изображал в „Сне“ будущую Россию после революции. „Сон“ был прочитан на одном из заседаний „Зеленой лампы“ и вполне вероятно, что Пушкин был в числе слушателей этой замечательной утопии.

Утопия рассказывает о том, как автор заснул и видит хорошо знакомый Петербург, но узнать его не может. Город богат новыми

зданиями общественного назначения. Перед уснувшим автором — мрачный символ павловского царствования Михайловский дворец, но на фасаде его написано „Дворец государственного собрания“. Автор идет дальше — видит Аничков дворец с надписью „Пантеон“, но среди статуй „Пантеона“ отсутствует статуя императора Александра I, затем — видит Зимний дворец: двуглавый орел уже не существует как герб империи, у него отрублены головы. Из крови отрубленных голов возник новый герб революционного государства — феникс, парящий в облаках и держащий в клюве венец из оливковых ветвей и бессмертника. Автор подходит к великолепному храму, из которого несутся звуки музыки. Он входит в этот храм, и перед его глазами совершается богослужение, ничего общего не имеющее с христианством. Жрец верховного существа, старец в белых одеждах, объясняет ему, что о христианстве давно забыли в России и что теперь исповедуется культ верховного божества. Откуда мог залететь этот культ верховного божества в идеологию „Зеленой лампы“? Конечно, только из эпохи конвента, из эпохи великой буржуазной французской революции.

Из целого ряда указаний видно, что все описываемое в утопии происходит в стране, которая пережила революционное потрясение и перестроилась на совершенно новых началах.

Автор хочет войти в великолепное здание верховного судилища, в „Дворец правосудия“, где все граждане получают немедленное и справедливое решение по любому делу, но в этот момент просыпается. Просыпается он от воплей пьяного мужика, которого полицейские волокут в участок, и от звуков рожка и барабана. Он говорит: «я понял, что до осуществления моего сна еще далеко».

Эта утопия бесспорно является политическим документом, но только облеченным в очень интересную художественную форму.

Из послания Пушкина к „Зеленой лампе“ ясно видно проявление связи политической идеологии „Зеленой лампы“ с идеологией французской революции. Пушкин пишет:

Вот он, приют гостеприимный,
Приют любви и вольных муз,...
Где с ними клятвою взаимной
Скрепили вечный мы союз,
Где дружбы знали мы блаженство,
Где в колпаке за круглый стол
Садилось милое равенство...

Красный фригийский колпак — символ французской революции и «милое равенство» — один из ее лозунгов — недаром вспомнился Пушкину.

Этот лозунг, сопровождаемый теплым пушкинским словом «милое», вполне объясняет источники, откуда черпала свою политическую идеологию „Зеленая лампа“.

Тактика „Союза благоденствия“, тактика медленного действия, не вела к ощутительным результатам. Действия этого тайного общества перестали удовлетворять декабристов. Уже в двадцатом году „Союз благоденствия“ и вместе с ним „Зеленая лампа“, возможно, переживают серьезный кризис. Декабристы усомнились в правильности тактики медленного воздействия «на мнение», и перед ними встал вопрос, — нельзя ли найти иные пути, чтобы решительнее, радикальнее и скорее добиться той цели, которую ставит перед собой тайная организация. Во время тяжелых раздумий над этой новой для русского революционного движения темой — темой тактики — Западная Европа как бы дала декабристам ответ на тревоживший их вопрос. В 1820 г. на Западе высоко поднимается революционная волна. Происходит революция в Испании под предводительством Риего, происходят восстание в Неаполе, революционные события в Португалии, восстание в Греции, военные заговоры во Франции и ряд других революционных событий. Большинство революционных событий этого времени имеет сходную черту, эта черта — тактика военной революции. Декабристы, через сообщения французской прессы, именно так воспринимают тактику этих революционных движений. Восстают лишь войска под командой революционных вождей, их выступление решает вопрос. Пример таких действий дает революционная Испания. Офицеры испанской армии дон Рафаэль дель-Риего и Антонио Квируга, встав во главе революционных войск, добиваются от короля Фердинанда VII подписания манифеста о созыве кортесов и восстановления Конституции 1812 г. Пример успеха блестящий. Такой же пример успеха дает и неаполитанское восстание. Пушкин и декабристы, заинтересованные этой тактикой, видят в ней ответ на свои тактические искания, ответ на то, *каким образом* надо действовать. Тактика действия посредством войск под командой революционных вождей, новая тактика, которой не знал „Союз благоденствия“, принимается декабристами, в первую очередь — южными. В январе 1821 г. было решено созвать московский съезд „Союза благоденствия“. В 1820 г. в Каменке созывается собрание декабристов для оповещения о предстоящем съезде. Пуш-

нии принимает в нем деятельное участие. Московский съезд „Союза благоденствия“ сразу раскалывает тайное общество. Перед непосредственной близостью революционных действий общество распадается на два лагеря: на сомневающих, которые добиваются формальной ликвидации общества в целях предупреждения революционных действий, и на более решительных, радикальных членов, которые не соглашались с постановлением о ликвидации общества. Делегаты Юга полковники Бурцев и Комаров привозят из Москвы сообщение об этом постановлении Пестелю и его южным друзьям. Пестель, собрав своих единомышленников из тайного общества, организует новое тайное общество — Южное.

Оно принимает лозунг республики, лозунг военной революции «действия посредством войск» — революции на подобие испанской — и лозунг царубийства.

Вся эта сумма новых политических лозунгов оказывается близкой Пушкину. Почти в это же время, в бурные дни основания Южного общества декабристов, Пушкин ведет с Пестелем в апреле 1821 г. беседу. 9 апреля он записал в кишиневский дневник свои замечательные строки: «Утро провел с Пестелем. Умный человек, во всем смысле этого слова. Mon coeur est matérialiste, mais ma raison s'y refuse» (сердце мое материалистично, но разум мой этому противится). «Мы имели с ним разговор политический, метафизический и нравственный. Это один из самых оригинальных умов, которых я знаю».

Вскоре после этого Пушкин записывает замечательные слова о Пестеле: «Только революционная голова, подобная... Пестелю, может так любить Россию, как только писатель может любить ее язык».

Пушкин за три года до восстания декабристов уже называет Пестеля революционной головой. Значит, Пушкин знает очень многое. Известен рассказ о том, что Пушкин предупредил декабриста Владимира Раевского о грозящем ему аресте. Пушкин жил в это время на квартире наместника Бессарабии генерала Инзова и, подслушав разговор о предполагавшемся аресте, успел предупредить своего друга. Владимир Раевский поспешил сжечь свои бумаги. Это облегчило ему возможность отрицать существование тайного общества. В течение трех лет, сидя в Тираспольской крепости, Раевский ни словом не выдал его существования. Так, благодаря косвенному вмешательству А. С. Пушкина в 1822 г. не было открыто царским правительством Южное общество декабристов.

Пушкин в это же время состоит в дружеских отношениях с председателем масонской ложи генералом Пущиным, членом Южного тайного общества. Пушкин адресует ему стихи, в которых именует его вождем испанской революции — «нашим Квируга»:

В дыму, в крови сквозь тучи стрел
 Теперь твоя дорога,
 Но ты предвидишь свой удел,
 Грядущий наш Квируга.

В этих стихах Пушкин предвидит будущую революцию в России. Замечательно и другое, Пушкин в Кишиневе знакомится с Ипсиланти и некоторое время думает примкнуть к греческому восстанию. Он пишет об этом письмом Ипсиланти. Раньше Пушкин отрицательно относился к войне и перспективу военной службы рассматривал лишь как кару «за грехи». Так было в конце лицейского учения. Теперь точка зрения Пушкина на войну изменилась. Ведь война эта — революционная война. Военные события освещены революционным смыслом. Сходя с лицейской скамьи, Пушкин, обращаясь к друзьям, говорит:

— Друзья! немного снисхожденья,
 Оставьте красный мне колпак,
 Пока его за прегрешенья
 Не променял я на шишак.

А во время греческого восстания Пушкин воспекает войну:

Война! подняты наконец,
 Шумят знамена бранной чести.
 Увижу кровь, увижу праздник местн,
 Засвищет вдруг меня губительный свинец.

В этом четверостишии речь идет уже о новых военных знаменах.

В одном из стихотворений, посвященных греческому восстанию, он пишет о знамени свободы:

И знамя черное свободы восшумело.

Но вслед за этим у Пушкина очень скоро пробуждаются первые признаки сомнения в правильности тактики военной революции. Он начинает сознавать, что тактика революции только «посредством войск», без инициативного выступления народных масс, — неправильна. В своем знаменитом, полном революционного пафоса, послании к Давыдову, Пушкин в 1821 г. уже выражает эти первые зародив-

шиеся у него сомнения. Он сомневается в том, что народы действительно восстанут, — «народы тишины хотят». Но все-таки он верит еще в тактику военной революции, он ждет кровавого праздника революции, который должен совершиться и в его стране. Он говорит о «другой евхаристии», о другом причастии, принять которое он готов. Стихи написаны во время великого поста, когда Пушкин был вынужден лицемерно говеть. Пушкин пишет Давыдову:

Вот евхаристия другая,
 Когда и ты и милый брат,
 Перед камином надевая
 Демократический халат,
 Спасенья чашу наполняли
 Беспенной мерзлой струей,
 И за здоровье *тех* и *той*
 До дна, до капли выпивали.

«*Тех*» — это революционеров-карбонариев, «*той*» — это революции.

Но неаполитанская революция разгромлена австрийской интервенцией. „Священный союз“ задушил это революционное движение, и Пушкин пишет по этому поводу:

Но те в Неаполе шалят,
 А та едва ли там воскреснет.
 Народы тишины хотят
 И долго их ярем не треснет.

Но несмотря на зародившееся сомнение, Пушкин в 1821 г. еще твердо убежден в том, что революция придет:

Ужель надежды луч исчез?
 Но нет, мы счастьем насладимся,
 Кровавой чашей причастимся,
 И я скажу: «Христос воскрес».

Иначе обстоит дело в трагический 1823 г.: Пушкин перестает уже верить в успех военной революции. В этом году испанская революция, показывавшая до сих пор пример победы военной тактики, приходит к краху. Она подавлена. Войска французской интервенции вступают в Мадрид, восстановлена абсолютная власть короля Фердинанда VII, революционный вождь Риего схвачен, привезен в Мадрид и подвергнут мучительной казни. Восстанавливается феодально-абсолютистский строй. Пушкин и декабристы переживают тяжелейшие сомнения в правильности тактики военной революции. Общество декабристов охвачено кризисом, и линия того

кризиса едина и для Пушкина и для декабристов: и Пестель, и Давыдов, и Юшневский, и Волконский, и целый ряд других декабристов в это время глубочайшим образом сомневаются в правильности выбранной ими тактики.

В Каменке собирается в 1823 г. специальный съезд декабристов по вопросу о причине гибели испанской революции. Неизвестно, дошли ли до Пушкина отголоски о решениях этого съезда или дело заключается только в совпадении с декабристскими воззрениями его идейного развития, но Пушкин идет по тому же пути сомнений. Перед Пушкиным еще более остро, чем раньше, встает вопрос о народе, об участии *народных масс* в революции. Как же можно сделать революцию без инициативного участия народных масс? Пушкин угнетен мыслью о том, что массы в данный момент не поддержат революционного движения, в свое время не воспользовавшегося их инициативой. Он пишет замечательное стихотворение „Свободы сеятель пустынный“, отражающее этот кризис.

Свободы сеятель пустынный
 Я вышел рано до звезды.
 Рукою чистой и безвинной
 В порабощенные бразды
 Бросал живительное семя —
 Но потерял я только время
 Благие мысли и труды...
 Паситесь мирные народы!
 Вам недоступен чести клич,
 К чему стадам дары свободы?
 Их должно резать или стричь!»

Как понимать эти слова? Может быть это тон аристократа, который с презрением относится к массовому движению? Разумеется, нет, это слова человека, глубочайшим образом преданного массовому движению, т. е. революции.

Прислушаемся к русской литературе дальнейшего времени. Мы услышим как бы эхо в ответ на эти пушкинские слова. Лермонтов, полный горячей любви к родине и горячего убеждения в том, что масса русского народа ненавидит голубые мундиры, бросает горькие слова:

Прощай немытая Россия,
 Страна рабов, страна господ!
 И вы, мундиры голубые,
 И вы, послушный им народ!

А ведь Лермонтов лучше, чем кто-либо, знал, что народ не предан голубым мундирам.

Ленин писал в 1914 году:

«Мы помним, как полвека тому назад великорусский демократ Чернышевский, отдавая свою жизнь делу революции, сказал: «жалкая нация, нация рабов, сверху донизу — все рабы». Откровенные и прикровенные рабы — великороссы (рабы по отношению к царской монархии) не любят вспоминать об этих словах. А, по нашему, это были слова настоящей любви к родине, любви, тоскующей вследствие отсутствия революционности в массах великорусского населения. Тогда ее не было. Теперь ее мало, но она уже есть. Мы полны чувства национальной гордости, ибо великорусская нация тоже создала революционный класс, тоже доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и за социализм...»¹

И слова Пушкина, которые только что были приведены, — это также слова величайшей любви к родине, величайшей преданности народу, который должен восстать, но только вот почему-то, на данном этапе, еще не готов к поддержке революционного восстания, к которому так страстно призывал Пушкин в стихотворении „Вольность“.

В середине 1824 г., летом, Пушкин ссылается Александром I в новую ссылку: с Юга — в село Михайловское.

Кризис в воззрениях Пушкина развивается глубже. Все более сосредоточен он на вопросе о роли народных масс — «мнения народного в революции!» Он идет все более *влево* от старых позиций дворянской революционности. Если в стихотворении „Свободы сеятель пустынный“ Пушкин глубочайшим образом вдумывается в причины пассивности народных масс и в способы, которыми их можно поднять на борьбу, то в своей бессмертной трагедии „Борис Годунов“ Пушкин думает уже об *активной* роли масс в революционном движении. Он думает о гражданской войне и о том, что решающее значение — именно за «мнением народным», а не за действием «посредством войск». В словах своего предка боярина Пушкина, адресованных Басманову, Пушкин выражает свою новую позицию, более левую, чем прежняя. Пушкин говорит Басманову:

Но знаешь ли чем сильны мы, Басманов?
 Не войском, нет, не польскою помощью,
 А мнением — да, мнением народным.
 Дмитрия ты помнишь торжество
 И мирные его завоеванья,

¹ Ленин, Соч., изд. 2-е, т. XVIII, стр. 81.

Когда везде без выстрела ему
Послушные сдавались города,
И воевод упрямых чернь вязала?

Все решает «народное мнение». А мнение это — против самодержавия. «Живая власть для черни ненавистна» („Борис Годунов“). Вопросы борьбы с крепостным правом и с самодержавием — центральные для Пушкина и на этом этапе.

Пушкин глубоко убежден в правильности действий народных масс. Примечательны его слова «народ безмолвствует». В своей работе «Революционные дни», написанной сейчас же после 9 января 1905 г., Ленин задавал вопрос: «бунт или революция?» и отвечал: «революция». Ленин говорил, что хотя в остальной России «народ безмолвствует», но это значит, что скоро там в той или иной форме «вспыхнет революционный пожар». «Безмолвие» народа уже говорило громким голосом приближающегося восстания.

1 января 1825 г. Пушкина в его ссылке посетил неожиданное счастье — к нему приехал его друг И. И. Пущин. Все знают обстоятельства этого приезда, — как обрадовались друзья, встретившись, как долгое время не могли они вымолвить ни слова от слез, как, уже войдя в горницу, только начали они дружеский разговор. Пущин привез Пушкину „Горе от ума“ — в списке. Пушкин впервые его прочел. В этот же приезд Пущина Пушкин узнал от него о существовании тайного общества. Раньше Пушкин не раз добивался от Пущина признания в этой тайне, и когда Пущин говорил: «Да нет, тайного общества в России не существует», — Пушкин не соглашался: «Нет, наверное существует и ты его член». Это неоднократно отмечено в записках Пущина о Пушкине.

Но замечательно, что когда Пущин под впечатлением этого радостного, незабываемого свидания сказал Пушкину, что в России существует тайное общество и он является его членом, Пушкин с молниеносной быстротой связал это сообщение Пущина — члена Северного общества — с тем, что он знал о существовании Южного общества. Пушкин вскочил со стула, и первыми его словами были: «наверное это связано с делом майора Раевского, которого третий год держат в Тираспольской крепости и до сих пор не могут ничего от него выпытать».

В 1827 г. Пушкин пишет Жуковскому: «мудрено мне просить твоего заступления перед государем, не хочу охмелить тебя в этом пиру; правительство в журналах объявило опалу тем, кто знал о заговоре и не донес о нем». Пушкин этим самым признается, что он

знал о самом заговоре, о планах декабристов. Он стремится смягчить свою вину лишь тем, что многие знали об этом, — «кто же, кроме правительства и полиции, не знал об этом? О заговоре кричали по всем переулкам». Эту мотивировку, конечно, можно оставить без рассмотрения. Важен самый факт признания Пушкина в том, что он что-то важное о заговоре знал и не донес. Поэтому он и не хочет «охмелить Жуковского в этом пиру», т. е. поставить его в неловкое положение, когда он будет вступаться за него перед государем.

Следствие вскрыло глубочайшую, органическую связь Пушкина с тайным обществом декабристов. Выяснилось, что вольнолюбивые стихи Пушкина переписывались, разбрасывались в качестве прокламаций в лагерях царской армии, они вдохновляли декабристов в их политических проектах, ими испытывались новички, которые вступали в тайное общество: им сначала читались пушкинские строки, а затем, видя, как они реагируют, решали, можно ли с ними заводить разговор о тайном обществе.

Николай I, убедившись в огромной революционной силе агитационных стихов, отдал приказ «из дел вынуть и сжечь все возмутительные стихи». В этот день сгорело большое количество стихотворений, может быть даже подлинников произведений Пушкина. Но одно произведение уцелело от этой кары — это «Кинжал». Оно было записано с устного пересказа во время показаний на следствии декабристом Громнитским. «Кинжал» был написан на внутренней стороне двух смежных страниц следственных показаний и «вынуть и сжечь» его не удалось. Для этого пришлось бы изъять из дела листок, на котором были написаны очень ценные для властей показания. Выполняя приказ Николая, военный министр Татищев все-таки придумал выход из затруднительного положения: он вооружился гусиным пером и густо, густо зачеркнул крамольные пушкинские строки, снабдив их своеобразной «скрепой»: «С высочайшего соизволения помарал военный министр Татищев». Это единственное пушкинское произведение, которое дошло до нас в следственном деле декабристов. Важно отметить, что это стихотворение декабрист Бестужев-Рюмин читал на собрании Общества соединенных славян, когда последнее присоединялось к Южному обществу. Этими стихами Бестужев-Рюмин агитировал за убийство Александра I.

Николай I, как известно, «простил» Пушкина и пытался привлечь его на свою сторону, преследуя определенный политический расчет — думая сделать Пушкина глашатаем лозунгов самодержавия.

Но план этот не удался. Пушкин не предал забвению декабристов.

В 1826 г. началось известное дело о стихотворении Пушкина „Андрей Шенье“. Один из поклонников Пушкина, как известно, переписывая это стихотворение, дал ему заголовок: „На 14-е декабря“. Пушкин легко доказал, что стихи 1825 г., написанные до восстания декабристов, не могли относиться к этому событию. Но важно отметить, что почти в это же время Пушкин написал уже другое стихотворение о 14 декабря — „Послание декабристам в Сибирь“. Это стихотворение проникнуто глубокой верой в дело декабристов:

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье:
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремленье.

Эти слова Пушкина — как бы перекликаются со словами Ленина о декабристах в его статье „Памяти Герцена“: «Их дело не пропало».

В том же 1827 г. Пушкин пишет стихотворение „Арion“, в котором говорит о себе как о члене декабристского коллектива. В стихотворении рассказывается о пловцах, которые плыли на челне. Пушкин был среди них: „Пловцам я пел“. Буря разметала пловцов, все погибли.

Лишь я, таинственный певец
На берег выброшен грозую.
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

Переходил ли когда-нибудь Пушкин на сторону самодержавия? Нет, не переходил. Следствие, наряженное по этому делу, должно было бы вызвать главного свидетеля — Николая I. А за ним как важнейшие свидетели, потащились бы Бенкендорфы, Дубельты, Булгарины и целый ряд других. Во весь голос все говорили бы — нет, не переходил. Да, они имели основания сказать это — Пушкин никогда не переходил на позиции самодержавия.

После разгрома восстания декабристов в истории революционного движения в России создалась своеобразная ситуация. Пушкин очутился в величайшем политическом одиночестве. В это время в России не существует единого революционного центра, да и вообще нет никакой революционной организации, которая руководила бы революционным движением. В этой своеобразной обстановке Пуш-

кин глубочайше продумывает вопрос о том, не может ли он, Пушкин, как-то так повлиять на самодержавие, чтобы оно проявило свою прогрессивность, аналогичную той, которой было отмечено в свое время самодержавие Петра I.

Отсюда глубокое раздумие Пушкина над существом самодержавия, отсюда сравнение самодержавия Петра I и Николая I и, наконец, неутешительный вывод, записанный в дневнике тридцатых годов: «в Николае I очень много прапорщика и очень мало Петра Великого».

По вопросу о «прогрессивности» самодержавия Пушкин пришел к отрицательным выводам. Все его прямые обращения к самодержавию с просьбой об амнистии декабристам, все политические уроки, которые он стремится преподать самодержавию („В надежде славы и добра“), — все это проходит безрезультатно.

Пушкин всего более сосредоточивается на второй стороне революционного движения, и только в ней находит залог успеха дальнейших действий. Он продолжает творчески работать над вопросами народной революции. Но каким образом можно поднять народные массы на восстание, на восстание, освещенное политическим сознанием? Этого Пушкин не знает и знать не может. Уже начинается всемирно-историческая эпоха, которая, по словам Ленина, отмечена основной чертой: «революционность буржуазии уже умирала, а революционность пролетариата еще не созрела». Разумеется, в этой обстановке ни Пушкин, ни кто другой (ни Герцен в том числе) не могли дать ответа на вопрос о руководителе революции. Тактика военной революции была начисто разбита — полностью отпал вопрос о руководящей роли революционного дворянства. Крестьянское движение? Темное, лишенное политического сознания, оно — сильнейшая движущая, но неспособная руководить сила. Отсюда — глубочайшее раздумие Пушкина о Пугачеве, о Разине. Оно зародилось у него еще до восстания декабристов. Пушкин называл Разина единственным поэтическим лицом в русской истории. «Те же» темы массового движения освещены Пушкиным в „Истории Пугачева“, которая волей Николая I обратилась в „Историю Пугачевского бунта“, в „Капитанской дочке“, в „Дубровском“. Из этих произведений видно, как Пушкин глубоко продумывает вопросы о положении народных масс, о массовом движении и о его сущности.

Слова Гринёва о «русском бунте, бессмысленном и беспощадном» — это слова глубокого раздумия Пушкина о том, почему массовое дви-

жение крестьянства темно, не освещено политическим сознанием. «Русский бунт бессмысленный и беспощадный» — это выражение используется Лениным в девяностых годах, как общая формулировка отрицательных сторон крестьянского революционного движения. Обсуждая вопросы программы партии, Ленин писал, что крестьянское движение революционно, но что в нем есть черты, отличающие его от рабочего движения, черты темноты, отсутствия политического сознания, всего того, говорил Ленин, что можно назвать «бунтом бессмысленным и беспощадным». В 1899 г. в «Проекте программы нашей партии» Ленин писал:

«Наличность революционных элементов в крестьянстве не подлежит, таким образом, ни малейшему сомнению. Мы нисколько не преувеличиваем силы этих элементов, не забываем политической неразвитости и темноты крестьян, нисколько не стираем разницы между «русским бунтом бессмысленным и беспощадным» и революционной борьбой, нисколько не забываем того, какая масса средств у правительства политически надувать и развращать крестьян. Но из всего этого следует только то, что безрассудно было бы выставить носителем революционного движения крестьянство, что безумна была бы партия, которая обусловила бы революционность своего движения революционным настроением крестьянства».¹

В противоположность всем дворянским идеологам, которые рисовали Пугачева, как зверя, как исчадие ада, Пушкин создает замечательный образ Пугачева, обвеянный глубокой авторской симпатией к своему герою. Как относились к Пугачеву дворянские писатели до Пушкина? Сумароков смотрел на Пугачева, как на зверя. Он писал о нем:

Отбросил бы разбойник меч
И в наши предан нынче руки.
То мало, что тебя сожечь
В отмщение невинных муки...

Другие литераторы XVIII века писали под портретом Пугачева:

Ты к ужасу привык, злодейством разъярен,
Напоен варварством и кровью обгарен.

Вот и все, что писали дворянские литераторы о Пугачеве. Совершенно иначе раскрыл образ Пугачева Пушкин. В «Капитанской

¹ Ленин В. И. Сочинения, изд. 3-е, т. II, стр. 520.

дочке“ он подчеркивает, что в чертах Пугачева не было ничего зверского. Пушкинский образ Пугачева насыщен глубоким уважением к человеку, проникнут сознанием собственного достоинства, у пушкинского Пугачева ясный разум и большая логика. Даже Гриневу, которому грозит быть повешенным, логика Пугачева кажется неотразимой. Он сам в этом сознается.

Пушкин привлекает к обрисовке образов вождей народных масс ту стихию, с которой Пушкин был особенно сроден, — стихию фольклора.

В „Истории Пугачева“ Пушкин описывает, например, как мать Степана Разина, пригребая клюкой трупы плывущих по реке разинцев, искала труп своего сына. Она говорила как бы словами народной песни. «Не ты ли, мое детище, не ты ли, мой Степушка, не твои ли кудри свежа вода моет?». В „Капитанскую дочку“ также введены мотивы фольклора. Пушкин рассказывает в этой повести замечательную легенду о споре ворона с орлом, — один из них питается падалью, а другой — кровью. Пугачевцы, идя на казнь, поют любимую песню Пушкина — „Не шуми, ты мать, зеленая дубравушка“.

Конечно, Пушкин не мог до конца правильно решить вопрос о значении массового движения. Но чрезвычайно важно уже то, что его мировоззрение приближается к новому этапу революционности — к революционности разночинного порядка. Он тянется к Белинскому, интересуется новыми явлениями революционного движения, знакомится с Фурье, интересуется Сен-Симоном.

Пушкин глубочайшими и теснейшими узами связан с революционным движением своей страны. Он прошел через все этапы существования тайного общества. На каждом этапе он отражает самые передовые, самые решающие для данного момента лозунги. А после 1823 г. он эволюционирует влево, к мыслям о народном восстании, о значении массового движения. Поэтому понятно, что Пушкин входит в наше коммунистическое сегодня как наш, как близкий, как родной. Народы нашей страны поэтому так любят и ценят Пушкина.

Пушкинская революционность переросла свою историческую основу. Чернышевский и Некрасов вспоминают об оде: „Свобода“, поднимавшей их на борьбу. Рабочие и колхозники пишут сейчас письма, в которых рассказывают, как подымали их революционное сознание стихотворения „Деревня“, „К Чаадаеву“.

Рабочие-большевики рассказывают, как стихи Пушкина в цар-

ское время содействовали росту их революционного большевистского сознания.

Поэтому народы нашей страны никому не отдадут Пушкина. Мы хотим идти в наше коммунистическое будущее вместе с Пушкиным — радостным, молодым и бессмертным. Мы протягиваем Пушкину братскую руку и в ответ на его слова: «Товарищ, верь, взойдет она, заря пленительного счастья» — говорим:

— Товарищ, она возшла!



АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

СТО ЛЕТ
СО ДНЯ СМЕРТИ
А.С. ПУШКИНА

ТРУДЫ
ПУШКИНСКОЙ СЕССИИ
АКАДЕМИИ НАУК
СССР

1837 — 1937

Издательство Академии Наук СССР
Москва-Ленинград

1 9 3 8